

ДБ
350
С 50

2013
44

92/51

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

А. И. ГЕРЦЕНА

ВЪ РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Smirnov, Vladimir Dmitrievich.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

В. Д. Смирнова.

ЦѢНА 1 РУБ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрдикъ, Садовая, № 9.
1897.

N

3.C.
2846.
F

П

DK
209,6
.H57
564

схв. н. п.
В. Д. Р.
11.11.71
902036-293

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Вмѣсто предисловія	5
I. Дѣтство, отрочество, юность	19
II. Какъ учился Герценъ	35
III. Дружба съ Огаревымъ	38
IV. Университетъ	45
V. Послѣ университета	54
VI. Владиміръ на Клязьмѣ	72
VII. Москва.—Новгородъ.—Петербургъ.	78
VIII. Литературная дѣятельность А. И. Герцена	100
IX. Заграницей	123
X. Переѣздъ въ Лондонъ.—Послѣдніе годы	142

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Освобожденіе крестьянъ по манифесту 19 февраля 1861 г.— дѣло, въ которомъ теперь мы успѣли уже значительно разочароваться,—было однако для нашихъ отцовъ призывомъ къ полному обновленію жизни и прощаніемъ со всѣмъ старымъ, что тревожило, мучило и возбуждало отвращеніе и даже ненависть. Манифестъ былъ прочитанъ по всей странѣ при самой торжественной обстановкѣ, при звонѣ колоколовъ, священниками въ полномъ облаченіи, и крѣпостная Россія исчезла съ лица земли: пока она переводилась въ разрядъ временно-обязанныхъ. Во многихъ и многихъ мѣстахъ народъ праздновалъ, но въ сущности это былъ праздникъ не сѣрой мужицкой Россіи, а главнымъ образомъ интеллигенціи, которая увидѣла въ манифестѣ свою побѣду и прочла въ немъ призывъ къ политической жизни.

На первыхъ порахъ она даже не спрашивала себя, такъ ли это, и съ юношеской непосредственностью предалась восторгу и ликованію, не предчувствуя и не понимая, что она и такъ уже зашла слишкомъ далеко и что скоро ей придется вернуться назадъ и опять приняться за мирныя и неслышныя дѣла такъ называемыхъ свободныхъ профессій или переполнять собою департаменты. Теперь мы понимаемъ, что иначе и быть не могло, что интеллигенція не имѣла подъ собой почвы, что десятковъ людей и два-три кружка, которыми она гордилась въ прошлой своей исторіи, значили мало, вѣрнѣе, не значили почти ничего передъ громадной окружавшей ихъ жизнью. Но тогда, особенно въ первую минуту, ничего этого не было видно, а немногіе скептическіе голоса терялись въ общемъ шумѣ восторговъ.

Винить за это было бы прямо грѣшно: человѣкъ, вышедшій на

свободу, не может на самомъ дѣлѣ приняться съ первой же минуты думать о томъ, что его ждетъ въ будущемъ,—онъ прямо радуется и дышетъ свѣжимъ воздухомъ, забывая обо всемъ. Ему хорошо и все окружающее кажется хорошимъ, ему легко и жизнь представляется легкой, радостной. Интеллигенція 60-хъ годовъ пережила эту минуту, пережила ее полною грудью и долго, годы и даже десятки лѣтъ, не могла забыть о ней. Восторгъ передавался со дня въ день все ослабѣвавшей волной, пока не распустился мало по малу въ сѣромъ туманѣ обыденной жизни. Одна, дѣйствительно, хорошая минута, одна историческая удача оказала неотразимое, мощное вліяніе на міросозерцаніе цѣлыхъ тысячъ людей, увеличила чувство ихъ собственнаго достоинства, надолго положила на ихъ рѣчи отпечатокъ самоувѣренности и гордаго сознанія того, что мы можемъ вліять на жизнь, мы можемъ устраивать ее по своему желанію и разумнѣю. Въдѣ нѣтъ болѣе могущественной иллюзіи, и поколѣніе 60-хъ годовъ испытало на себѣ всю ея силу.

Не все къ тому же было и иллюзіей, кое-что присоединилось къ ней и настоящее. Такъ или иначе мечты были осуществлены, а сознаніе того, что мы можемъ сдѣлать, мы можемъ устраивать свою жизнь сообразно съ разумомъ, однимъ историческимъ своимъ краемъ опиралось на дѣйствительность. Попробуемъ заглянуть въ ту обстановку.

Я уже замѣтилъ выше, что для насъ манифестъ 19-го февраля не можетъ представлять и доли того интереса, значенія, обаянія, наконецъ, которые онъ имѣлъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ. Мы плохо знаемъ его содержаніе и смотримъ на него просто какъ на историческій документъ, далеко не оправдавшій возложенныхъ на него надеждъ.

Порою даже, подчиняясь впечатлѣніямъ современности, мы склонны умалать его значеніе, низводя всѣ его послѣдствія къ нулю или прямо къ отрицательной величинѣ. Мы говоримъ, что прежде, правда, народъ былъ закрѣпощенъ, терпѣлъ всякія обиды и истязательства отъ помѣщиковъ, но этотъ закрѣпощенный народъ жилъ въ сравнительномъ достаткѣ, и истязанія и обиды являлись не правиломъ, а исключеніемъ. Мужика и барина—продолжаемъ мы—соединялъ общій интересъ: хозяинъ-помѣщикъ понималъ и видѣлъ, что онъ можетъ быть богатъ лишь при условіи, если его мужики не разорены, если у нихъ есть скоть, запасъ для посѣвъ, инвентарь, изба,—

и даже если онъ сравнительно доволенъ своею судьбою. Случается, что порою мы впадаемъ въ тонъ Карлейля, утверждая, что не только государственныя установленія, не только общая выгода, а что-то другое, болѣе сильное и чистое, служило связью между помѣщиками и ихъ холопами, и это болѣе сильное и чистое — взаимная привязанность, благожелательная у однихъ, покорная у другихъ. Отношенія отцовъ къ дѣтямъ, патріархальные обычаи, любовные нравы рисуются подчасъ — къ счастью не часто — нашей фантазіи. А, разумѣется, жизнь, вся сведенная къ рублю, къ постоянному страху передъ завтрашнимъ днемъ, къ ожесточенному прискиванію себѣ какого нибудь мѣста и какой нибудь работы, а главное къ полному одиночеству человѣка, чувствующаго, что ни до чего ему нѣтъ никакого дѣла, — куда ниже той, гдѣ съ одной стороны были отцы, съ другой дѣти.

Ну, что за бѣда, если отецъ порою отправить сына или дочь на конюшню и сдѣлаетъ тамъ имъ при помощи дюжихъ кучеровъ благожелательное внушеніе; сынъ или дочь могутъ лишь благодарить за науку и низко кланяться. Розги розгами, оброкъ оброкомъ, барщина барщиной, зато на сценѣ крѣпостного права фигурируютъ такія высокія чувства, какъ любовь, преданность, уваженіе.

Все это мы говоримъ порою, давая доказательство своей значительной растерянности и полнѣйшаго невниманія къ факторамъ прошлаго. Всѣ эти соображенія не могли быть въ шестидесятыхъ годахъ: они показались бы уродливыми, за ними немедленно усмотрѣли бы лишь личный барскій эгоизмъ, желаніе продолжить въ безконечность жизнь на счетъ дарового крестьянскаго труда. Но въ наши дни это можно высказывать безъ всякихъ подозрительныхъ побужденій.

▲ Мы ясно видимъ, что манифестъ 19-го февраля былъ уступкой старому новому, мѣрой, какъ бы упускавшей изъ вида, что населеніе возрастаетъ и будетъ возрастать со дня на день, и поэтому-то наше отношеніе къ нему не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ отношеніемъ людей, для которыхъ онъ несомнѣнно былъ осуществленіемъ долгихъ историческихъ желаній.

✓ На самомъ дѣлѣ съ извѣстной точки зрѣнія манифестъ былъ торжествомъ и побѣдой. Онъ завершилъ собою громадный періодъ умственнаго и экономическаго развитія Россіи, и завершилъ его честно, хорошо, прогессивно. Для его порожденія удивительнымъ

образом соединились и всемогущество императорской власти, и вѣковое воздѣйствіе Европы, и работа интеллигентной мысли за цѣлое столѣтіе, и задолженность дворянскихъ имѣній, и неясное волненіе народной массы, искавшей вольности то въ сектантскихъ ученіяхъ, то въ дикихъ расправахъ съ помѣщиками. Несмотря на его неполноту, манифестъ удивительно жизненный документъ; въ его сухихъ статьяхъ и параграфахъ опытный взглядъ историка найдеть резюмированную работу четырехъ поколѣній, резюмированную сухо и сдержанно, но все же съ сознаніемъ важности и громадности предпринятаго дѣла.

Манифестъ въ той формѣ, въ какой онъ намъ извѣстенъ, составленъ и редактированъ въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Всѣ характерныя особенности такого источника отпечатались на немъ. Вы видите въ каждой строкѣ, какъ сознаніе невозможности не дать кое что борется съ опасеніемъ дать слишкомъ много. Отсюда эти постоянныя оговорки, ограниченія, эти вѣчныя «но»; отсюда наконецъ этотъ переходъ—какъ замѣчено выше—крѣпостной Россіи не въ свободную, а во временно обязанную. Историческая, неустанная работа цѣлаго столѣтія была передѣлана въ канцеляріяхъ нѣсколько своеобразно. Сравните Наказъ Императрицы Екатерины II и манифестъ 19-го февраля. Въ первомъ не говорится ничего объ освобожденіи крѣпостныхъ, только намекается на это, и все же Наказъ—это утопія какъ для 61-го года, такъ и для нашего времени. За вѣчными оговорками и «но», за сухими статьями, дающими и отнимающими въ одно и то же время, трудно разсмотрѣть желанія государей, еще труднѣе — страстныя мечты лучшихъ интеллигентовъ. Но это можетъ быть сдѣлано и когда нибудь будетъ сдѣлано во всей полнотѣ и яркости.

Кромѣ Павла Петровича, всѣ государи, начиная съ Екатерины, мечтали объ освобожденіи. Павелъ Петровичъ былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что у него 100 тысячъ полицеймейстеровъ, съ неподдѣльными слезами восторга слѣдилъ за маршировкой солдатъ, переименовалъ всѣхъ сержантовъ въ унтеръ-офицеровъ, и, сдѣлавъ еще много такого же, умеръ. Тутъ очевидно было не до утопій. Александръ I вступилъ на престолъ съ самыми вольнолюбивыми мечтами вплоть до конституціи, съ самыми лучшими намѣреніями. Онъ обижался, когда ему говорили, что онъ долженъ быть самодержцемъ; сдѣлалъ Сперанскаго любимцемъ за то, что тотъ

переводилъ на русскій языкъ англійскую конституцію, и плакалъ, когда совершенно случайно узнавалъ объ ужасахъ крѣпостничества, о томъ, напримѣръ, что помѣщики имѣютъ право продавать семейныхъ крестьянъ въ раздробь. Онъ издалъ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, привѣтствовалъ освобожденіе лифляндскихъ крѣпостныхъ и тосковалъ всю жизнь при видѣ окружаваемаго его рабства. Николай Павловичъ умирая передалъ дѣло освобожденія своему наслѣднику. Сколько могъ, онъ готовилъ его постоянно, но страхъ за основы парализовалъ всѣ его усилія. Александръ II издалъ манифестъ 19-го февраля.

Возьмите теперь нашихъ баръ, вельможъ, министровъ. Въ сущности лучшіе изъ нихъ были противъ крѣпостничества со времени того же царствованія Екатерины. Въ тѣ времена зачитывались французскими просвѣтителями, особенно Руссо, про котораго Наполеонъ сказалъ: «еслибы его не было, не было бы и революціи», — съ восторгомъ повторяли остроты Вольтера надъ привилегіями аристократіи и нѣсколько стыдились, что $\frac{9}{10}$ населенія русскаго государства обрѣтается въ подломъ холопскомъ состояніи. Извѣстно, что на знаменитомъ совѣтѣ, собранномъ Екатериной при первыхъ же слухахъ о пугачевскомъ бунтѣ, Григорій Орловъ, графъ и фаворитъ, объяснилъ волненія непомѣрными тягостями, возложенными на народъ, и требовалъ, чтобы эти тягости были облегчены въ значительной степени. На сторонѣ освобожденія были Панинъ, воспитатель наслѣдника, были и другіе, не менѣе знатные. Серьезно обсуждался вопросъ: нужно ли освободить холоповъ и какъ освободить ихъ. За лучшіе отвѣты назначались преміи. Особенно носились съ тою мыслью, что прежде чѣмъ освободить тѣла, надо освободить души, подъ чѣмъ понимали народное образованіе. Были и такіе, которые желѣли совершенно феерическій проектъ о перевоспитаніи всѣхъ гражданъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, «дабы сдѣлать ихъ благонравными и достойными свободы». Словомъ, идея жила, или, если можно выразиться, теплилась забытая послѣ второй турецкой войны, польскаго раздѣла, а главное, послѣ событій въ Парижѣ; она воскресла съ новою силою при Александрѣ Первомъ. Сперанскій любилъ ее, постоянно думалъ о ней—это несомнѣнно. Въ его знаменитомъ коренномъ проектѣ преобразованій освобожденіе крестьянъ выставляется не только какъ желательное, но и прямо необходимое. Надо припомнить, какую тревогу забила

старая партія, — къ которой, вѣстати сказать, причислялъ себя и Карамзинъ, послѣ того какъ сдѣлался государственнымъ исторіо-графомъ и надворнымъ совѣтникомъ, — послѣ утвержденія государственнаго совѣта, министерствъ и т. д. Въ своей знаменитой запискѣ, написанной въ 1811 году, Карамзинъ особенно цвѣтистымъ языкомъ защищаетъ самодержавіе и крѣпостное состояніе, давая даже понять, что незыблемость одного опирается на незыблемость другого. Государь остался въ высшей степени недоволенъ запиской, но, запуганный старой партіей, оставилъ Россію въ покоѣ, далъ конституцію Польшѣ и порадовался, когда прибалтійскіе дворяне освободили своихъ эстонскихъ и ливонскихъ холоповъ, забывъ при этомъ пустить ихъ чуть не по міру. При Николаѣ Павловичѣ одинъ тайный комитетъ засѣдалъ за другимъ, цѣлыхъ 10 лѣтъ разбирали проекты по устройству крестьянскаго состоянія и хотя не сдѣлали ничего, зато по крайней мѣрѣ закрѣпили въ высшихъ сферахъ сознаніе необходимости реформы. Изъ министровъ Канкринъ находилъ, что крѣпостное состояніе тормозитъ торговлю и промышленность, графъ Киселевъ предлагалъ вынести вопросъ на свѣтъ божій и вообще стоялъ за положительное его разрѣшеніе. Среди баръ, вельможъ и вообще высшей знати Александръ II нашелъ лучшихъ своихъ помощниковъ.

Что дѣлала интеллигенція — извѣстно. Уже у Радищева мы находимъ въ зародышѣ и отрицаніе прелестей нашего самобытнаго существованія, и преклоненіе передъ цивилизаціей Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ его знаменитая книга, погубившая автора, исполнена состраданіемъ къ народу, мечтами о грядущей свободѣ. Радищевъ какъ бы предугадалъ и Чаадаева, и будущихъ западниковъ; Шешковскій былъ формально правъ, упрекая его за нелюбовь къ отечеству: «официальной» любви у Радищева на самомъ дѣлѣ не было.

При Александрѣ Первомъ интеллигентность и признаніе крѣпостничества законнымъ, необходимымъ, незыблемымъ — становились со дня на день все болѣе несовмѣстимыми. Это лучше всего проявилось въ движеніи декабристовъ, увлекшемъ весь цвѣтъ нашего немногочисленнаго европейски образованнаго класса. Декабристы думали не столько о политическихъ преобразованіяхъ, сколько объ общественно экономическихъ. Большинство ихъ люди молодые, богатые, знатные, выросшіе на революціи западной литературы, несомнѣнно честные, не принимали близко къ сердцу

вопроса о конституціи и формах правленія вообще. Но рабство мужика и рабство солдатъ, эти вѣчныя розги и палки, эта страшная Сибирь, куда люди ссылались по усмотрѣнію помѣщиковъ, иногда просто за то, что они стали стары, слѣпы, глухи и, слѣдовательно, ихъ пришлось бы кормить,—вотъ что тревожило молодыхъ и честныхъ души, вотъ что вдохновляло ихъ. Они погибли, какъ погибъ и Радищевъ, какъ погибаетъ всякій, кто на пятьдесятъ лѣтъ опередилъ свое время и не счелъ нужнымъ затанцовать это про себя. Въ ту же александровскую эпоху жилъ Пушкинъ. Крѣпостничество собственно интересовало его очень мало, но онъ все же написалъ свой «Анчаръ», все же спрашивалъ въ грустномъ раздумьи:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство падшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ свободная заря?

Приходится миновать тридцатые года. Это годы романтическихъ мечтаній, душевныхъ грозъ, тоскливой неудовлетворенности, словомъ—годы Лермонтова, Печориныхъ, Чаадаевыхъ, или проклинавшихъ все, или одну Россію во имя величія Европы. На сценѣ дѣйствовали обреченные люди, искренне страдавшіе, искренне мучившіеся и гибнувшіе одинъ за другимъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, какъ Лермонтовъ отъ пули, Полежаевъ отъ водки. Чацкіе были повсюду, они бросали въ лицо обществу, которое презирали, «стихъ, облитый горечью и злостью», но чувствовали, какъ бесполезно все, что они дѣлаютъ, какъ бессмысленна и бесполезна вся жизнь ихъ. Это—герои безвременья.

Но уже въ сороковыхъ годахъ мы находимъ идею созрѣвшую и воплотившуюся. Она какъ бы прошла черезъ огненное крещеніе романтическаго недовольства и лермонтовскихъ проклятій. Она выросла и окрѣпла подъ ферулой нѣмецкой идеалистической философіи Шеллинга и Гегеля и какъ бы «опредѣлилась» послѣ грозныхъ, но не всегда ясныхъ проклятій Лермонтова. Съ этой поры она знаетъ уже, чего хочетъ и ищетъ. Печорины исчезаютъ изъ жизни, но исчезаютъ не подъ ударами насмѣшки, а просто потому, что ихъ время прошло, что имъ нечего стало дѣлать. Ихъ можно помянуть добрымъ словомъ: они исполнили предназначенное имъ судьбой, хотя это исполненіе стоило имъ жизни. Люди сороковыхъ годовъ

смѣнили романтиковъ тридцатыхъ. На сценѣ, правда, фигурируетъ то же поколѣніе, но оно стало думать и чувствовать уже по другому. Бѣлинскій, самъ пережившій этотъ переворотъ, разсказалъ намъ о немъ въ своей статьѣ о «Героѣ нашего времени».

«Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и думъ,—пишетъ онъ о Печоринѣ, подразумевая въ этихъ словахъ свой вѣкъ и самого себя,—сердце требуетъ новой привязанности: дѣйствительность—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него».

Но что же это за дѣйствительность? Вѣдь не окружающая же жизнь, не крѣпостное право, не канцелярская служба. Все это было и раньше. Подъ дѣйствительностью Бѣлинскій понимаетъ здѣсь какую нибудь дорогую для сердца и полезную для жизни задачу, «святое дѣло», какъ выражались тогда. И оно нашлось, вѣрнѣе же возродилось. Это было опять то же освобожденіе крестьянъ, та же жажда облегчить жизнь обездоленному, и съ этой поры то и другое становится центромъ интеллигентной работы, и уже надолго—съ небольшимъ перерывомъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Интеллигентные кружки сразу, рѣзко—какъ это возможно только у насъ—мѣняютъ свою фizioномію. Шеллингъ забыть, Гегель попрежнему считается божествомъ, но это уже другой Гегель, и выводы, которые дѣлаются изъ него, совсѣмъ иные. Судьба какъ бы пожалѣла «бѣдную русскую мысль», метавшуюся изъ угла въ уголъ, готовую преклониться въ лицѣ Чаадаева передъ католицизмомъ, а въ лицѣ Кирѣевскаго падавшую ницъ передъ воротами Оптинской пустыни, и нашла для нея лѣкарства.

Вѣдь Печорины, какъ и всѣ романтики тридцатыхъ годовъ, ни за что не могли ясно и опредѣленно отвѣтить на вопросъ, что же собственно такъ тревожитъ ихъ, такъ мучаетъ. Они просто чувствуютъ, что жизнь ихъ съѣдена кѣмъ-то и сами они погибли ни за что, ни про что,

«Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
Ни гениемъ начатаго труда»...

Они просто безпокойно метались. Они переживали то переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ для человѣка есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и хандрой, и ипохондріей, и мнительностью,

и самомнѣніемъ, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіей*. Въ этомъ состояніи человѣкъ какъ бы распадается на два чело-
вѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судить о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ какое нибудь чувство, намѣреніе, дѣйствіе, — тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе и какая ихъ цѣль, — и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ не распустившись, мысль дробится въ безконечномъ, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ, рука, поднятая для дѣйствія, какъ окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ. Ужасное состояніе... Оно закончилось, какъ выше замѣчено, въ сороковыхъ годахъ съ переѣздомъ Бѣлинскаго въ Петербургъ, съ образованіемъ кружка Герцена, Грановскаго и другихъ, съ появленіемъ романовъ Жоржъ Занда. Идея, повторяю, опредѣлилась и, если можно такъ выразиться, «вочеловѣчилась». Отчего напр. такъ понравилась Жоржъ Зандъ? «А потому, отвѣчаетъ Бѣлинскій, что для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи; для нея существуетъ только человѣкъ, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ за него»... Повѣяло любовью, человѣчностью, и съ отвлеченной высоты нѣмецкой идеалистической философіи русская передовая мысль прыгнула въ дѣйствительность.

Это былъ страшный прыжокъ, прыжокъ гиганта. Надо удивляться здоровью, силѣ, живучести тѣхъ, кто рискнулъ на него и уцѣлѣлъ. А рискнули и уцѣлѣли многіе: между ними на первомъ планѣ Бѣлинскій и Герценъ.

Измѣнилось все — настроеніе, взглядъ. Къ землѣ притянули самое искусство и постарались привязать къ ней крѣпкимъ узломъ. Когда-то знаменитый стихъ Пушкина, обращенный къ поэту:

Ты — царь, живи одинъ —

казался уже смѣшнымъ.

«Духъ нашего времени таковъ, — читаемъ мы въ статьѣ 48-го года, — что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничивается «птичьимъ пѣніемъ», создаетъ себѣ

свой міръ, неимѣющей ничего общаго съ философскою и историческою дѣйствительностію современности, если она воображаетъ, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! *Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности*: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только *быть гражданиномъ*, сыномъ своего отечества, своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденій отъ дѣла, сочиненія отъ жизни.

Такихъ мыслей не было въ тридцатые годы. Тогда они показались бы смѣшными, странными, ненужными. Печоринъ презрительно усмѣхнулся бы, слушая ихъ, хотя несомнѣнно только въ нихъ было его спасеніе: онѣ принесли бы неизмѣримо больше пользы его усталой надломленной душѣ, чѣмъ всѣ побѣдки въ Персію, чѣмъ всѣ романы съ Бѣлами, Мери и т. д.

Умственные интересы измѣнились не менѣе рѣзко. Оказалось уже недостаточнымъ знать Гегеля или Шеллинга или цитировать наизусть Фейербаха. На горизонтѣ впервые появляется поклоненіе естествознанію, и Герценъ пишетъ свои «Письма объ изученіи природы». Въ петербургскихъ журналахъ стали помѣщать статьи по вопросамъ политической экономіи, естественно-научныя обзорнія, новыя эстетическія теоріи и въ то же время впервые была разъяснена русской публикѣ позитивная философія Конта. Движеніе съ каждымъ годомъ проникало и въ даль, и въ глубь, но странно: несмотря на политико-экономическія и естественно-научныя формулы, въ которыя оно облеклось, источникомъ его было сердце. Что называется не осушивъ пера, Герценъ послѣ «Писемъ» принимается за «Сороку-Воровку» — этотъ рѣзкій памфлетъ противъ крѣпостничества; вскорѣ затѣмъ появляются первые очерки «Записокъ Охотника» Тургенева, удивительно подходившая къ духу времени повѣсть Григоровича «Антонъ-Горемыка». Съ этой минуты на знамени русской мысли красуется крупно и отчетливо написанное слово «народничество».

Проповѣдь шла все сильнѣе... все одна проповѣдь, — и смѣхъ, и плачь, и книга, и рѣчь, и Гоголь, и исторія — все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ; все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума... и,

повторяю, источникомъ всего этого было проснувшееся сердце. Люди тосковали, рвались на просторъ; но они уже знали теперь, почему они тоскуютъ и чего хотятъ:

«Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ... Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага, затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя; врагъ этотъ былъ—крѣпостничество».

Такъ рассказываетъ о томъ періодѣ своей жизни Тургеневъ. Въ то же время въ кружкѣ петрашевцевъ нервно и возбужденно читалъ Достоевскій свою «Неточку Незванову» и страстно декламировалъ:

«Увижу ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство падшее по манію царя?...»

Причинъ такой рѣзкой, разительной перемены я пока объяснять не буду. Мнѣ важно лишь указать на переломъ и напомнить читателю, съ какой смѣлостью мысль его дѣдовъ отъ тоски и отчаянія тридцатыхъ годовъ перешла къ любви и вѣрѣ.

Живой источникъ былъ найденъ, дверь въ лучшее будущее чуть пріотворилась, и люди вздохнули свободнѣе.

Послѣ 48-го года, подъ вліяніемъ чисто вѣшняго давленія, движеніе прерывается. Часть его виѣстъ съ Герценомъ уходитъ за границу, другая въ лицѣ петрашевцевъ идетъ въ Сибирь искупать свои «грѣхи», Бѣлинскій умираетъ. Но мрачное семилѣтіе 1848—1855 не можетъ забить и заглушить всего. Это только отсрочка, болѣзненный, тяжелый кризисъ, послѣ котораго освобожденіе крестьянъ становится совершившимся фактомъ.

* * *

Было, значить, о чемъ вспомнить, было чему порадоваться. Въѣдъ въ сущности со времени Петра Великаго и его знаменитаго указа о рекрутской повинности, закабалившаго всю Россію вплоть до 19-го февраля, живетъ и развивается одна грандіозная историческая эпоха нарастанія и уплотненія государственнаго начала. Это нарастаніе происходило роковымъ, стихійнымъ образомъ, и каждый годъ приносилъ свой камень, чтобы возвысить громадное зданіе.